

ГОРЕ-АРТИСТЫ.

(Вчера, 11-го Іюня, въ спб. окружномъ судѣ).

Печальную повѣсть повѣдалъ о себѣ опереточный хористъ Егоровъ передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей.

Онъ кочовалъ изъ труппы въ труппу, долго и много голодалъ, пока не рѣшилъ, что честно можно только умереть съ голоду и... постепенно дошелъ до того, что теперь судится уже третій разъ по однородному преступленію—за оклопность къ чужимъ инструментамъ: онъ специализировался на томъ, что, являясь въ музыкальные магазины, бралъ инструментъ напрокатъ, а затѣмъ продавалъ его или закладывалъ.

Два раза онъ уже отбывалъ наказаніе по приговорамъ мировыхъ судовъ.

Теперь онъ судится въ третій разъ, но уже не одинъ, а въ компаніи съ такими же пѣвцомъ, учителемъ пѣнія и регентомъ Алексѣевымъ.

Оба они не только товарищи-артисты, но и товарищи по школѣ: и учились и окончили школу оба одновременно.

Алексѣеву въ жизни повезло: изъ Петербурга онъ перекочевалъ куда-то въ провинцію, гдѣ и завелъ собственный хоръ.

На судѣ Егоровъ, не взирая на старую дружбу, старался оговорить Алексѣева: онъ утверждалъ, что когда у Алексѣева дѣла съ хоромъ пошли плохо, то онъ пріѣхалъ къ нему въ Петербургъ и предложилъ комбинацію съ пѣаніемъ.

Алексѣевъ утверждалъ какъ разъ противное, что, находясь въ нуждѣ, Егоровъ, некусившійся

въ такого рода «дѣлахъ», просилъ его помочь ему «взять пѣаніемъ напрокатъ» въ магазинъ Эриксона.

Такъ или иначе, но достаточно того, что 9-го Сентября 1906 года оба они явились въ магазинъ Эриксона, выбрали пѣаніемъ стоимостью въ 350 рублей, выдали себя за братьевъ Егоровыхъ и подписали прокатное условіе съ платой по 9 руб. въ мѣсяцъ, прося доставить инструментъ въ Столарный пер., въ домъ № 7, въ квартиру Егорова.

Спустя два мѣсяца пѣаніемъ было продано, какъ утверждаютъ подсудимые, за 40 рублей и деньги подѣлены поровну.

Егоровъ немедленно скрылся и затѣмъ былъ «разысканъ» въ домѣ предварительнаго заключенія, гдѣ находился по однородному дѣлу.

Алексѣевъ состоялъ регентомъ на Брянскомъ заводѣ.

Задержанный Алексѣевъ постѣпилъ внести Эриксону часть платы за взятый «напрокатъ» инструментъ.

Защитникъ Егорова, прис. пов. Чикириль-Кушъ, построилъ защиту на принципѣ ненаказуемости голоднаго, какимъ являлся опереточный пѣвецъ.

Въ мірѣ есть царь; этотъ царь безпоощенъ, Голодъ называеъ ему.

Присяжные засѣдатели отнеслись къ подсудимымъ милостиво: они вынесли имъ оправдательный приговоръ.